

Н. С. Бондарь¹**КОНФЛИКТ КУЛЬТУР СОВРЕМЕННЫХ СУДЕБНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ:
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ?**

Современные вызовы праву и угрозы миропорядку должны оцениваться не в узком, формально-юридическом аспекте, а как системные культурологические процессы, конфликт правовых культур современной цивилизации, проявляющийся в том числе на уровне противостояния основных судебно-правовых систем современности романо-германского (континентального) и общего (англосаксонского) права.

1. Сегодня очевидным является, что общегуманистической настрой на партнерство, взаимодействие судебно-правовых систем, иллюзорно обнадеживавший многих до недавнего времени, сменился столкновением цивилизаций, гибридной войной против России по всем направлениям, включая судебно-правовую сферу, непримиримым конфликтом юрисдикций, противостоянием правовых культур. Впрочем, это имеет не только сегодняшние политико-идеологические предпосылки, но и глубокие философско-правовые, мировоззренческие корни, связанные с особенностями в подходах соответствующих правовых систем к фундаментальным конституционным ценностям современности. Одним из водоразделов, развилкой для них является вопрос о том, что должно лежать в основе функционирования судебной власти и поиска судебно-правовых решений современными национальными и наднациональными юрисдикциями: экономический прагматизм или социальная справедливость?

Для нас ответ на этот вопрос очевиден: стремление к справедливости заложено как в самой сущности права — равной, справедливой для всех меры свободы, так

и в самой природе человеческой личности, что имеет свои глубокие исторические корни. Не будет преувеличением отметить, что в аспекте справедливости (в соотношении данной категории с проблемами правосудия, судебной юриспруденцией) философами Древней Греции и юристами не менее древнего *Jus Romanum* были выработаны многие подходы и идеи, которые и сегодня не только не утратили своей актуальности, но и заслуживают пристального внимания, необходимости учета в нынешних условиях, хотелось бы надеяться, начавшегося своего рода ренессанса судебной юриспруденции. Не случайно понятия «справедливость», «юстиция», «правосудие», «закон» имеют однокоренное древнеримское происхождение — *justitia, jus*.

Между тем нынешнее понимание данной категории в правовой науке столь противоречиво, что текущее состояние «можно охарактеризовать как научный хаос в понимании справедливости и ее соотношения с правом»², а тем более — в соотношении справедливости с правосудием³.

2. В обобщенном плане, в том числе с ориентацией на прагматичные интересы судебного поиска справедливости, возможно представить данную категорию, по крайней мере, в следующих аспектах.

Во-первых, нравственно-этические, духовно-религиозные начала справедливости, которые в хронологическом плане имеют, пожалуй, наиболее глубокие исторические предпосылки требований справедливости и заслуживают особого внимания. Все современные мировые религии (в их классическом, а не политизированном современными условиями жизни проявлении) содержат единые в своей основе подходы к пониманию добра, уважения, сострадания, правды, справедливости и т. п. Божественная справедливость является в этом плане абсолютной, потому что именно Бог (и только он) может воздать человеку с учетом всего совершенного им (плохого и хорошего, греховного и праведного). Такое воздаяние тоже происходит на своеобразных весах Божественного правосудия, где все хорошее и плохое взвешивается предельно точно, и каждому воздается по справедливости, то есть пропорционально заслугам. Во всем этом, кстати, прояв-

¹ Судья Конституционного Суда РФ (2000–2020). Заведующий Центром судебного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, заведующий кафедрой конституционализма Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ. Автор более 300 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Власть и свобода на весах конституционного правосудия», «Судебный конституционализм: доктрина и практика», «Экономический конституционализм России: очерки теории и практики», «Местное самоуправление и конституционное правосудие», «Конституционная модернизация российской государственности: в свете практики конституционного правосудия», «Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии», «Правосудие: ориентация на Конституцию» (в соавт.) и др. Член редколлегии десяти научных журналов: «Конституционное и муниципальное право», «Журнал конституционного правосудия», *Lex russica* и др. Награжден орденом Почета, медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, Почетной грамотой и благодарностью Президента РФ и др. Победитель национальной премии по литературе в области права за монографию «Судебный конституционализм: доктрина и практика» (2018).

² См.: *Vaiñan B. A.* Теория справедливости: Право и экономика. М.: Юстицинформ, 2017. С. 28.

³ Некоторые имеющиеся на этот счет работы, в том числе появившиеся в последнее время (см., например: *Клеандров М. И.* Правосудие и справедливость. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2023), можно рассматривать лишь как первые подходы к исследованию данной проблематики.

ляются в том числе библейские представления о божественном происхождении суда, судебной деятельности как ориентированной на поиск и утверждение справедливости в человеческом обществе.

Во-вторых, сам факт того, что справедливость, если даже согласиться, что ее высшее проявление имеет божественное происхождение, реализуется на земле, в человеческом общежитии, подтверждает безусловные социальные начала требований справедливости, их наполнение глубокими социокультурными, национальными, конкретно-историческими особенностями. В этом плане справедливость — глубоко социальная категория, приобретающая в современном обществе, особенно в правосудии, мировоззренческие, социокультурные, политико-идеологические координаты, имея в виду необходимость анализировать, толковать законодательство, оценивать решения органов публичной власти, давать квалификацию поведению человека, социальных групп сквозь призму социальной справедливости, на основе критериев признаваемых в обществе и государстве ценностных ориентиров, принципов социальной, экономической политики, при активном использовании властно-правовых механизмов.

Поэтому еще один *обязательный уровень реализации справедливости* (речь идет в том числе о сфере судебной юриспруденции) — *государственно-правовой, формально-юридической*. В силу своей особой значимости, включая прямой выход соответствующих требований (справедливости и равенства) на *уровень конституционных по своей природе отношений между собственностью, властью и свободой*, формально-юридическое содержание требований справедливости имеет в современных условиях прежде всего конституционный уровень своего признания и закрепления, предполагающий регулирование соответствующих отношений (попадающих при возникновении споров и конфликтов в том числе в сферу отправления правосудия) на основе единства социальных, политико-мировоззренческих и духовно-нравственных начал справедливости. В Конституции РФ (с поправками 2020 г.) это получает реализацию не просто в отдельных положениях, но на уровне основополагающих начал, связанных с утверждением не только свободы совести и свободы вероисповедания (ст. 28), но и духовного суверенитета светского государства (преамбула, ч. 1 ст. 3 в нормативном единстве со ст. 13, 14), с одной стороны, и признанием переданной нам предками веры в Бога (ч. 2 ст. 67.1 Конституции РФ) — с другой. Но такой подход, содержащийся, в частности, в ст. 67 Конституции РФ, не должен рассматриваться как клерикализация конституционного права; это в большей степени предполагает возможность конституционализации нравственно-этических, духовно-религиозных начал, философско-правовое обоснование признанных Конституцией сакральных нравственных идеалов духовной (религиозной) культуры общества.

В этом плане, пожалуй, есть основания утверждать, что без библейско-философских идей невозможно обосновать естественно-правовую и государственно-юридическую правосубъектность личности, как и произвести этико-правовое измерение правосудия как особой

формы государственно-властной деятельности по защите и восстановлению нарушаемых в современном обществе требований юридической справедливости без учета нравственно-этических начал. Особую актуальность эта тематика (включая судебно-правовую) приобрела в современных условиях, когда утрата доверия к власти, отчуждение человека происходят не только в отношении государства, но прежде всего на уровне нравственно-этических начал правовой жизни. Вернуть человека в правовую среду, которая не сводится лишь к формально-юридическому регулированию, — важная проблема теории и практики современной юриспруденции.

Одновременно во всем этом наблюдается проявление единства биологического и социального, божественного и земного не только в происхождении человека, но и в статусных характеристиках, взаимоотношениях человека и гражданина с обществом и государством. В таком «триединстве» (личность—общество—государство) покоятся глубинные, сакральные духовно-нравственные, социокультурные, а не только юридические начала равенства и справедливости. В таком понимании *нормативный императив категории справедливости* не ограничивается формально-юридическим содержанием статусных характеристик личности. Это значительно более содержательная, многоаспектная категория; наряду, например, с нормативными требованиями справедливой и равной для всех правоспособности, дееспособности, равноправия, равенства всех перед законом и тому подобного она одновременно усиливается *равной для всех нормативной справедливостью* социальных, экономических, социокультурных, нравственно-этических начал, присутствующих в основах конституционного строя, компетенционных и функциональных характеристиках всех ветвей власти и их публичных органов¹.

3. На этой основе становится возможным юридическое оформление *конституционной справедливости* как универсальной категории, которая имеет межотраслевое значение для всей правовой системы, всех форм правоприменения. Не претендуя на исчерпывающие характеристики данной категории, в обобщенном плане возможно выделить, по крайней мере, следующие нормативно-правовые начала (свойства) конституционной справедливости: *во-первых*, аксиологические характеристики конституционного устройства общества и государства, их функционирования в правовом измерении требований социальной справедливости; *во-вторых*, универсальные требования юридического равенства, включающие возможность справедливого неравенства в правовом регулировании (дифференциация) и правоприменении (индивидуализация); *в-третьих*, имущественную эквивалентность как выражение частноправовой (своего рода рыночно-экономической) справедливости; *в-четвертых*, распределительную справедливость как основу социально ориентированной политики по обеспечению условий достойной для всех жизни; *в-пятых*, условно говоря, «балансировочную» справедливость как критерий

¹ Судья КС Николай Бондарь: Конституция 1993 года — живой документ нашей эпохи // Конституционный Суд РФ : [сайт]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Press-srv/Smi/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=6294> (дата обращения: 23.05.2023).

обеспечения конституционно обоснованной (справедливой) соразмерности ограничений, баланса ценностей; *в-шестых*, равную для всех судебную защиту как юридическую гарантию справедливого правопорядка в обществе и государстве; *в-седьмых*, неотвратимость равной, но только для «равных субъектов» (!) юридической ответственности как нравственно-правовая основа конституционной справедливости в деликтных отношениях; *в-восьмых*, особый демократический правовой режим правового регулирования и правоприменения, основанный на требованиях справедливости, равном для всех уважении достоинства личности.

Важно при этом учитывать, что гармонизация формально-юридических и нравственно-этических требований в праве, правоприменении, равно как и во всех формах и направлениях государственно-властной деятельности, особенно в судебной (которая изначально по своим сущностным характеристикам ориентирована на защиту и утверждение требований справедливости), возможна исключительно на основе последовательного соблюдения национальных традиций, уважения к фундаментальным ценностным началам, относящимся к личности, обществу, государству.

В России, где сама этимология понятия «справедливость» имеет особые, глубокие нравственно-этические корни (от слова «правда»), система господствующих правовых начал всегда позволяла оценивать поступки граждан, действия органов публичной власти, в том числе с позиций греховности, добра и зла, правды и лжи, справедливости и несправедливости, честности и долга, то есть на основе обязательного учета этических, нравственных понятий и стандартов¹. Это, естественно, в полной мере характерно и для современного периода, несмотря на то, что в международном правопорядке во многих других странах происходит разрушение самих основ нормального этико-правового жизнеустройства, а России и в этой сфере навязываются чуждые ей ценности и правила поведения, фактически объявлена гибридная война.

В этих условиях тем важнее понимание исторических предпосылок и национальных традиций, связанных в том числе с современными вызовами судебной юриспруденции, что особенно остро проявляется *на развилке развития основных судебно-правовых систем современности — общего (англосаксонского) и романо-германского (континентального) права*, — важным показателем чего является их отношение к вечной идее, ценностям социальной и юридической справедливости.

4. Высокий удельный вес социокультурного, мировоззренческого наполнения фундаментальных идеалов конституционализма подтверждает тот очевидный факт, что при наличии общих представлений о конституционных идеалах имеют место серьезные различия как в их доктринальном, философско-правовом понимании, так и в практических подходах к реализации в англосаксонской и романо-германской (континентальной) правовых системах.

¹ Бондарь Н. С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политических иллюзий к юридическому реализму // Журнал российского права. 2018. № 12. С. 18–32.

Не касаясь исторического правогенеза, включая историю выбора Россией континентально-европейского пути правового развития², важно учитывать в данном случае воспринятый от римского права высокий уровень доктринальности, системно-методологической проработанности, структурированности, концентрации в ней нравственно-этических начал. Это не случайно: нравственно-этические начала, определившие континентальное право, были в их исходном, генетическом плане «переведены», трансформированы с языка греческой философии в координаты точных юридических формулировок римского права; в дальнейшем эти процессы получили мощное философско-мировоззренческое, методологическое обоснование посредством активного влияния на континентальное право (особенно конституционное) классической немецкой философии.

В этом плане естественным выглядит то обстоятельство, что историческими особенностями формирования правовых систем во многом предопределяются их глубинные мировоззренческие особенности, имея в виду в том числе ценностные характеристики, получающие юридическое оформление в виде фундаментальных конституционных начал соответствующих правовых систем. Вместе с тем при наличии глубоких национальных, исторических, философско-мировоззренческих различий между современными правовыми системами важно учитывать и то обстоятельство, что они не могут не иметь неких общих ориентиров функционирования. В конечном счете эти ориентиры и идеалы связаны с взаимоотношениями власти и свободы, государства и личности, а своего рода общим знаменателем и одновременно ценностным ориентиром реализации таких взаимоотношений, по крайней мере на уровне судебно-правовых систем, является универсальная *категория общего блага*. В основе понимания общего блага лежат подходы, связанные с поиском баланса ценности власти и свободы, публичных и частных интересов, подразумевая, что в конституционно-правовом плане категория общего блага, с одной стороны, воплощает аксиологические ориентиры поиска фундаментальных начал современного конституционализма, а с другой стороны, именно в этой категории проявляются принципиальные философско-мировоззренческие различия в подходах континентально-европейской и англосаксонской правовых систем к фундаментальным началам конституционализма³.

5. В обозначенном аспекте допустимо говорить о двух основных подходах, которые по-разному определяют ценностные ориентиры взаимоотношений власти и свободы, в том числе при поиске баланса публичных и частных интересов и ориентации на этой основе

² На этот счет существуют, как известно, различные мнения и оценки. См., например: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988; Раймон Л. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. 2-е изд. М., 2009; Синюков В. Н. Российская правовая система. 2-е изд. М.: Норма, 2012; Марченко М. Н. Правовые системы современного мира. 2-е изд. М., 2009.

³ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

к достижению общего блага. Это утилитаризм (экономическая полезность) и социальная справедливость¹.

Для англосаксонской правовой системы характерен в этом плане последовательный утилитаризм. Генетически он связан с экономическими факторами, ориентацией на материальные выгоды, деловой, финансово-экономический успех, а в основе его доктринально-юридического обоснования лежат постулаты экономической школы права, включая идеи «конституционной экономики», получившие, кстати, недостаточно критическое восприятие в нашей правовой науке². Безусловным критерием поиска баланса интересов и одновременно ценностным ориентиром достижения общего блага выступает в этом случае экономическая полезность принимаемых решений, в том числе на законодательном уровне. Поэтому и в нормоконтрольном, практико-прикладном аспекте предлагается исходить из того, что соотносимое с конституционными требованиями право должно искать не то, что справедливо, а то, каким образом могут быть удовлетворены прежде всего экономические интересы в конкретном правоотношении.

Очевидно, что культивируемый в том числе на конституционно-правовом уровне экономический прагматизм во многом предопределяет западную модель общества потребления. Критерием юрисдикционного поиска баланса интересов выступает в этом случае степень (уровень) удовлетворения потребностей участников отношений; очевидно, однако, что поиск баланса интересов, основанный на экономической полезности, материальной целесообразности, неизбежно связан (по крайней мере в конечном счете) с уровнем удовлетворенности, (не)достаточности благ. Для оценки этой ситуации вполне уместна формула, своего рода крылатые слова: «*Мало много иметь; нужно еще, чтоб хватало*». В этом плане в основе правовых, в том числе судебных, подходов в поиске баланса интересов должны лежать показатели, связанные не с координатами потребительской формулы «много–мало», а с понятием «достаточно». Своего рода *мерой достаточности, баланса публичных и частных интересов является категория справедливости*, которая выступает в этом случае одновременно конституционным критерием оценки общего блага, равно как и поиска баланса власти и свободы.

Исторически эти подходы связаны с особенностями романо-германской правовой системы, нормативное и доктринальное обоснование которой происходило на основе рецепции римского права. Не будет преувеличением сказать, что «юридическое обоснование справедливости (как категории *aequitas*) явилось одним из главных исторических достижений античной и средневековой юриспруденции; не случайно специалистами давно отмечалось, что «ни одно из самых блестящих

положений римского права не обеспечивало за ним в такой мере право на бессмертие, как его отношение к *aequitas*... Представляя собой с субъективной стороны лишь известную добродетель, *aequitas* в то же время определяло содержание норм. Право признавалось естественным, когда в нем видели нечто всеобщее, неизменно правильное и справедливое...»³

Нормативно-доктринальное обоснование категории социальной справедливости как критерия гармонизации отношений власти и свободы, достижения на этой основе общего блага, предполагающего пользу (включая экономическую) для всех и каждого, имеет повышенную актуальность для судебной деятельности, в том числе конституционно-нормоконтрольного и интерпретационного обеспечения верховенства Конституции. Ведь Конституция сама по себе выступает концентрированным выражением метаюридических начал справедливости; общее же благо необходимо рассматривать в этом случае за пределами арифметического суммирования (тем более деления) благ для отдельных граждан, организаций, иных субъектов права⁴.

6. В этом находит свое отражение тот факт, что своего рода *философско-правовой основой ориентации правосудия на общее благо как критерий гармонизации отношений между властью и свободой является концепция приоритета целого над частью*. Ее истоки — в аристотелевской «Метафизике» с постулатом о том, что «целое не важнее, а больше, чем сумма частей». В последующем эта, казалось бы, внутренне противоречивая формула получила обоснование в рамках философской школы холизма, которая сегодня, как представляется, переживает ренессанс: на смену механицизму, редукционализму приходит холизм, то есть философия целого, единого. Национально-специфический подход России к организации и осуществлению публичной власти, ее взаимоотношениям с личностью и обществом должен, вероятно, осмысливаться во многом с позиций холистического правосознания, стремления к государственной целостности, единству общества на основе социального партнерства, экономической, политической и социальной солидарности (ст. 75.1 Конституции РФ), что, однако, проявляется не только посредством централизации, универсализации, но и оптимальной дифференциации в тех сферах, где это оправданно и необходимо⁵.

Содержание и пределы такой централизации, универсализации и дифференциации неминусом предполагают необходимость поиска баланса публичных и частных интересов, власти и свободы на различных уровнях их проявления, что ярко проявилось в том числе в свете поправок 2020 года: теперь наш Основной закон ориентирован на понимание справедливости как юридической меры свободы и равенства и одновременно социально значимого фактора конституционно

¹ См. подробнее: Дедов Д. И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики. М., 2003; Момотов В. В. Принцип справедливости и целесообразности в институтах англо-американских и континентально-европейских правовых порядков // Российское правосудие. 2017. № 12. С. 16–24 (ч. 1); 2018. № 1. С. 35–48 (ч. 2).

² См. об этом подробнее: Бондарь Н. С. Экономический конституционализм России: очерки теории и практики. М.: Норма, 2017. С. 14–24.

³ См.: Kunn T. История источников римского права. СПб., 1908. С. 8.

⁴ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы...

⁵ См.: Пути развития философии права в России: круглый стол Междисциплинарного центра философии права Института философии РАН / А. А. Гусейнов, В. С. Степин, А. В. Смирнов [и др.] // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 23–25.

оправданной дифференциации, адресной социальной поддержки граждан в нормативном единстве с конституционными требованиями взаимного доверия государства и общества, защиты достоинства граждан (ст. 75.1, 75.6, 75.7 Конституции РФ).

В этих новых конституционных положениях получили реализацию в том числе правовые позиции Конституционного Суда (КС) РФ, предполагающие, что конституционный принцип справедливости носит комплексный, по сути, всеобъемлющий характер, включает начала как дистрибутивной (распределительной), так и ретрибутивной (уравнительной) справедливости, предполагающей пропорциональность, соразмерность. В этом плане практика КС РФ демонстрирует ориентацию на выявление в соотношении с требованиями справедливости не только негативных (антидискриминационных), но и позитивных аспектов равенства, что получило обоснование в требованиях: а) равенства стартовых позиций (постановления КС РФ от 15 мая 2006 г. № 5-П, от 5 июля 2017 г. № 18-П); б) справед-

ливого равенства возможностей, имея в виду равенство прав и свобод (постановления КС РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П; от 13 мая 2014 г. № 14-П); в) справедливого неравенства результатов на основе, в частности, преодоления несправедливого равенства (постановления КС РФ от 11 июля 2017 г. № 20-П; от 13 декабря 2016 г. № 28-П), преодоления несправедливого неравенства (Постановление КС РФ от 11 декабря 2014 г. № 32-П) и т. п. В обобщающе-статистическом плане уместно отметить, что практически в 2/3 постановлений КС РФ использовал категорию справедливости в качестве критерия конституционности проверяемых нормативных правовых актов¹.

Предложенными подходами, естественно, не исчерпываются представления о противоречиях и тенденциях развития, гносеологии современной судебной юриспруденции, оцениваемой, в частности, на развилке важнейших, конституционно значимых ценностей современных правовых систем, к которым относятся ценности социальной и юридической справедливости.

---

¹ См.: Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы...